

ЛИТЕРАТОРСКАЯ ТРАДИЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ СИМВОЛИСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. СОЛОГУБА

THE LITERARY TRADITION OF THE FRENCH SYMBOLISTS IN THE WORKS OF F. SOLOGUB

Tang Jing

Summary. The paper reflects the features of the work of the symbolist writer Fyodor Sologub through the prism of the influence of French literature. The article also mentions the poet's translation activity and critics' reaction to the similarity of Sologub's work with French literary traditions.

Keywords: Sologub, symbolism, literary traditions, Verlaine.

Тан Цзин

*Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
anfisa.tan@me.com*

Аннотация. В работе отражены особенности творчества писателя-символиста Федора Сологуба через призму влияния французской литературы. В статье также упоминается переводческая деятельность поэта и реакция критиков на сходство творчества Сологуба с французскими литературскими традициями.

Ключевые слова: Сологуб, символизм, литературские традиции, Верлен.

О существенные в хронологических рамках одного литературного течения переводы не представляют интереса с исторической, филологической или поучительной точки зрения. При этом в сравнении с последующими вариантами, они имеют ряд художественных преимуществ. Обращение к творчеству поэтов-современников, русских литераторов, символистов, в частности, пребывающего в полном единomyслии с ним, близкого ему не только по литературным пристрастиям и взглядам, но и по складу творческой личности, часто наделяло его переводческие опыты уникальными, неоспоримыми положительными качествами.

Если рассматривать переводы подобного рода через призму исследовательского интереса, то они, бесспорно, вполне могли выступать в качестве надежного материала, исследуемого с целью определения национального своеобразия различных ветвей литературного направления. Представляется, что данный материал является таким же достоверным, как и теоретические высказывания представителей определенного литературного направления. При этом выбор произведений для перевода и сложнейшая система замен, которая может осуществляться подсознательно, декларироваться программно и присутствует в каждой переводческой работе, представляют собой определенный интерес. Переводы Федора Сологуба работ французских символистов весьма показательны и являются одними из крупных явлений жизни русской литературы на рубеже XIX–XX вв., при этом можно говорить об их недостаточной изученности.

Впервые попытки провести анализ всего творчества и отдельных произведений Ф. Сологуба были предпри-

няты в 1905–1914 гг. — в период расцвета таланта автора. В общественно-политических и литературных журналах начала XX века было опубликовано множество статей и рецензий, затрагивающих творчество Ф. Сологуба. Оно рассматривалось в контексте символизма, который является одним из наиболее противоречивых и сложных литературных направлений. Официальная критика отвергала символизм и обозначала его как деградацию российской культуры. Так, писатель и педагог, автор серии работ по истории Поволжья Н.Н. Овсянников весьма негативно оценил литературные труды Ф.К. Сологуба, назвав их весьма поверхностными, лишёнными логики и в целом, очень слабыми. Оценивая творчество Ф.К. Сологуба и в целом направление символизма, Н.Н. Овсянников пишет, что «люди с незначительными литературными способностями в погоне за оригинальностью пытаются подражать дурным французским романам». Работы символистов в целом и роман Ф. Сологуба «Тяжелые сны», в частности, критик охарактеризовал как «распутный бред символистов». Литературный критик, искусствовед, балетовед А.Л. Волынский в одной из своих статей назвал символистов безграмотными, крайне эгоистичными, обвинил их в пошлости и отсутствии нравственности. О работах Ф. Сологуба он высказывается как «невыносимой вульгарности, временами застилаемой туманом тоскливых чувств и неподдельным вдохновением мрачной фантазии». Е. Карамзина-Арциховская пошла дальше: она высказала мнение, что результаты творческой деятельности Ф. Сологуба не являются художественными произведениями и предложила рассматривать их как «историю болезни» психически нездорового человека, который облакает нездоровые фантазии воспаленного мозга в поэтическую форму.

Примечательно, что, несмотря на подобную, резко негативную, критику, некоторые авторы того времени старались избежать резко негативных суждений и оценок творчества Ф. Сологуба. Они отмечают новаторский характер Ф. Сологуба и предпринимают попытку разобраться в положительных и негативных сторонах его творчества. Так, баснописец, писатель, публицист А. Е. Измайлов отмечает неоспоримые положительные качества прозаика и поэта Ф. Сологуба и называет его «отцом русского модернизма, изящным, тонким писателем, который явно нащупывает новые пути в искусстве». Нападки критиков на Ф. Сологуба А. Е. Измайлов объясняет тем, что они неверно толковали его произведения.

Представляется, что Ф. Сологуб внес весомый неоценимый вклад в русскую переводческую литературу, особенно это касается его переводов произведений одного из основоположников символизма, французского поэта Поля Верлена. Именно Сологуб и ряд других авторов смогли привить русской читающей публике любовь к П. Верлену и сформировать принципиально нового читателя, который смог бы сформировать фон для развития и завоевания позиций непосредственно русского символизма.

К девяностым годам XX века французскому символизму уже удалось выполнить миссию по решительному обновлению всех средств выразительности в поэзии. Именно к этому готовились русские поэты, которые были сгруппированы вокруг Брюсова в Москве и «Северного вестника» в Петербурге. В связи с этим, вполне целесообразным представляется тот факт, что русские писатели, поставив перед собой аналогичную цель, на начальном этапе вдохновлялись творчеством Верлена, в частности, его литературными приемами. С. А. Венгеров писал об исключительном значении Бодлера, который является непосредственным предшественником французского символизма, и Верлена на первом этапе становления русского символизма. Примечательно, что знакомство с двумя национальными вариантами одного направления в литературе позволяет удостовериться в том, что не может быть и речи о так называемом «переводном» литературном течении. Представляется, что содержание, вкладываемое в понятие «символизм», слишком неопределенно для того, чтобы имела место подобная постановка вопроса. Так, французский писатель-символист, эссеист, литературный критик Реми де Гурмон писал, что если придерживаться грамматического значения слова, то ясно, что символизм — это почти ничего. Концепция «мистической иронии» французского поэта становится более понятной, если принимать в расчет те условия, в которых зарождался интерес Сологуба к Верлену. Творчество французского символиста помогло Сологубу выстоять, и, вполне вероятно, что оно напоминало ему о его собственном существовании в условиях развра-

щенности провинциальной жизни и серой обыденности в попытках мечтательной натуры прорваться к высокой светлой духовности.

Неослабевающий интерес к французскому символизму отчасти определил появление других переводческих работ. Так Сологуб посчитал возможным опубликовать только часть «Озарений» Рембо. Пятнадцать стихотворений в прозе французского поэта вошли в 1-й сборник издания футуристов «Стрелец» 1915 г. В 1916 г. во 2-м сборнике «Стрельца» было опубликовано еще одно произведение Рембо — «Поклонение».

Такое очевидное предпочтение перед другими французскими символистами, которое отдавалось Верлену не только самим Сологубом, но и издательствами вполне объяснимо. В известном смысле Поль Верлен был всего лишь предшественником символизма, поскольку в зрелой и поздней лирике поэта нашли наиболее яркое воплощение ранних символистских веяний. При этом для России Верлен стал квинтэссенцией, средоточием нового литературного течения, его полномочным представителем, он затмил всех своих современников и последователей. Примечательно, что из всех французских поэтов символистов в России только Верлен предстает в качестве живого литературного явления. Русские символисты, как и «младшие» французские символисты, вполне осознавали то, что на поэтическую индивидуальность Рембо, который намного опередил свое время, сложно полагаться в собственных литературных поисках. Это стало причиной того, что и в России, и во Франции символисты отнеслись к творчеству Рембо довольно сдержанно, но внешне достаточно уважительно. Алгебраические формулы, магические кристаллы, алхимические реторты в которые, по словам русского поэта, переводчика, литературного критика М. А. Волошина, французский поэт Стефан Малларме замыкал свои идеи, отличались от задач, выдвигаемых перед собой русскими символистами, настолько сильно, что непрерываемость авторитета французского поэта заставляла заподозрить определенную внутреннюю отчужденность. Однако это не помешало возникновению в русской печати ярких переводов его стихов, принадлежавших перу Анненского, Волошина и Брюсова, сочувственных, достаточно прочувствованных, глубоких статей о произведениях С. Малларме.

Сологубу легче было воспринимать литературные труды своих французских современников, что обусловлено некоторой небезызвестной близостью особенностей его творческого облика и некоторых черт, присущих исключительно культуре Франции. Подобная близость была замечена современниками. Измайлов писал, что однородность литературных явлений может быть рождена в результате биения сердец в унисон, а не как

результат слепого подражания модным тенденциям. Измайлов написал о Сологубе, что если бы он был рожден во Франции, то это не вызвало бы диссонанса. Лингвист, переводчик В. В. Иванов высказал еще более прозорливое мнение, по его словам «Книга рассказов» Сологуба «русская по обаятельной прелести и живой силе языка, зачерпнутого из глубин стихии народной, русская по вещему проникновению в душу родной природы,— кажется французскою книгой по ее, новой у нас, утонченности, по мастерству ее изысканной, в своей художественной простоте, формы».

В истории воссоздания творчества поэтов Франции на русской почве велико значение переводов Сологуба работ Верлена, а также отчасти Рембо и Малларме. Его вклад трудно переоценить. Представляется, что оценка переводческих работ Сологуба в сравнении с брюсовскими и наряду с версиями О. Чюминой, А. Кублицкой-Пиоттух и других авторов как эпигонских ошибочна. Утверждение Ю. Ороховацкий, который утверждал, что «никогда не было так очевидным превосходство поэтического перевода над самой поэзией, как на рубеже минувшего и нынешнего столетий», также был неправ. Примечательно, что уровень переводов не возвышался над уровнем поэзии. При этом, уровень переводов противопоставлялся уровню поэзии и был от него оторван. Символистские переводы из Верлена превосходили пе-

редовы эпигонов предшествовавшего литературного поколения, что отчасти обусловлено масштабностью поэтических дарований и переводами символистами непосредственно символистской критики

Желание «соблюсти меру в субъективизме», принцип «золотой середины» — это тот фундамент, на котором формировалась переводческая деятельность Сологуба. При этом необходимо учитывать тот факт, что при рассмотрении не переводческих принципов, а результатов их усилий по приобщению русского читателя к лирике Верлена следует, что к той самой «золотой середине» ближе всех оказался Сологуб. Версии Брюсова больше представляются как отвечающие формальной эквивалентности, а версии Анненского — динамической. В этом отношении большинство переводов Сологуба завещано будущим поколениям русских читателей. Под впечатлением перевода Сологубом стихотворения Верлена «Синева небес над кровлей» 2 декабря 1907 г. Блок написал ему письмо, в котором говорил, что это стихотворение стало для него одним из первых ярких откровений новой поэзии, «я ношу его в памяти, ибо оно неразлучно со мною». Представляется, что не только Блок, но и многие русские читатели могли бы сказать, что переводы Сологуба из Верлена они «носят в памяти». В версии Сологуба лирика Верлена сыграла несомненную роль в «шуме» поэтического периода начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов. // Па рубеже XIX–XX веков. Л., 1991. С. 129–172.
2. Григорьян К. Н. «Верлен и русский символизм» // Русская литература. 1971. № 1. С. 111–120
3. Жирмунский В. М. «Литературные течения как явление международное». Жирмунский 1979: С. 137–157.
4. Мирза-Авакян М. Л. Работа В. Я. Брюсова над переводом *Romances sans paroles* Верлена // Брюсовские чтения 1966 года. С. 489–490.
5. Найда Ю. А. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 118–120.
6. Ороховацкий Ю. Русские поэты-переводчики Поля Верлена // Тезисы межвузовской научно-теоретической конференции «Проблемы русской критики и поэзии XX века». С. 47.
7. Пойман Л. История русского символизма. М., 1998. С. 49–56.
8. Файн С. В. Поль Верлен и поэзия русского символизма: И. Анненский, В. Брюсов, Ф. Сологуб. / Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. М, 1994. Глава III. «сборник поэтических переводов «Парнасцы и проклятые».

© Тан Цзин (anfisa.tan@me.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»